В связи с полемическим подтекстом письма И. Л. нужно отметить, что это не единственный резкий отзыв о сатириках в «Парнасском щепетильнике», этом по замыслу литературно-сатирическом журнале. Помимо персональной полемики с Новиковым, здесь содержатся общие замечания о сатире, позволяющие судить, насколько менее чем за год поправел Чулков. Совпадения в принятом Чулковым к печати письме И. Л. и филиппиках В. Петрова являются лишь конечным результатом этой эволюции.

С самого начала Чулков-журналист ограничивал свою деятельность скорее юмористикой, намереваясь поучиться «смешить людей благоразумных» (л. 1). Для оценки направления «И то и сьо» характерны опубликованные здесь письма к издателю. Елисей Прямиков находит журнал «полезным и увеселительным» (л. 8); Незнаев хвалит его за те же качества (л. 11); Д. П. называет «самым невинным упражнением, приносящим иногда пользу, иногда увеселение», лишенным грубости, невежества и язвительной критики (л. 28). Впрочем, первоначально Чулков допускал какой-то элемент сатиры, собираясь «расчесывать волосы целому городу» (л. 4). Правда, при этом он уточнял, что будет писать, о чем ему «возможно» и о чем он имеет «действительное понятие» (л. 3). Сюжеты свои весьма туманно подразделял на «хорошие», «посредственные» и «худые». Можно лишь догадываться, что это деление произведено по степени «высокости» темы с точки зрения автора, так как под именем «худа» он разумел «малые вещи». Введение низкой тематики потребовало оправдания — «и из худа иногда выходит изрядное дело» (л. 3). Эта программа первоначально и осуществлялась Чулковым в «И то и сьо». Чулков упоминает в качестве образцовых журналов «Трудолюбивую пчелу» и «Ежемесячные сочинения». Если обратиться к статьям о сатире в «Ежемесячных сочинениях», то видно, что здесь на основе теории сатиры Гольберга были сформулированы основные аргументы в защиту сатиры «на порок» и против сатиры с конкретным адресатом. Такое же изложение «правильной» сатиры дал Чулков в «разговоре» «Меркурий, Харон и Злоязычник».

«В сатире описываются такие пороки, которые сродни по большей части многим людям. Надобно весьма остерегаться, чтобы, делая тому примеры, не указать на того человека, которого вознамерился описать пороки. Слог ее должен быть прост, краток, волен и язвителен, и больше всего сочинитель оной должен показать в ней свою кротость, иметь совершенное познание человеческих свойств, играть приятно словами, исправлять человеческие нравы и научать доброму в шутках» (л. 36).

Поучение, преподанное Злоязычнику Эмину, одновременно совпадает с позитивной программой «Всякой всячины». По мере развития полемики на протяжении 1769 г. Чулков постепенно смыкался с самыми резкими из статей, помещенных на ее страницах.